

М А Р А З М Ъ.

Я долго думалъ, что тихая, безболѣзненная смерть отъ старости, такъ сказать библейская смерть, похожая на сонъ,—есть тотъ идеаль смерти, къ которому должно стремиться человѣчество, но вотъ недавно я увидѣлъ человѣка, котораго не встрѣчалъ уже года три...

Мы сидѣли въ комфортабельномъ уютномъ кабинетѣ хозяина и, по обыкновенію, говорили о войнѣ, когда хозяинъ, выглянувъ въ гостиную, въ привѣтливомъ восклицаніи назвалъ имя моего знакомаго.

Я взглянулъ въ пространство откинутой портьеры, ожидая встрѣтить высокую, энергичную фигуру, хотя и не молодого, но полнаго жизни публициста и талантливаго оратора, и увидѣлъ исхудавшаго, согбеннаго, опиравшагося на трость человѣка съ потухшими глазами, съ жалкимъ выраженіемъ на нервно перекошенномъ лицѣ...

— Здравствуйте, Александръ Григорьевичъ,—сказалъ я, подходя.

Онъ воззрился на меня неузнававшимъ взглядомъ, и тихо, съ привѣтливой улыбкой, отвѣтилъ.

— Здравствуйте.

Хозяинъ началъ знакомить его съ остальными гостями. Онъ всемъ съ тою же привѣтливой улыбкой и также тихо говорилъ: «здравствуйте», затѣмъ съ большимъ трудомъ, опираясь на трость, сѣлъ, и грустными, безучастными глазами сталъ смотрѣть на окружающихъ.

Я подошелъ ближе къ нему. Онъ взглянулъ на меня, на этотъ разъ вспомнилъ, и, протянувъ руку, назвалъ мою фамилію.

Мы разговорились, вспомнили прошлое, вспомнили одно литературное учрежденіе, въ которомъ вмѣстѣ работали.

Онъ вовсе не былъ боленъ, какъ онъ говорилъ, онъ только не могъ ходить, съ трудомъ передвигался при помощи трости, не могъ спать.

— Совѣмъ не сплю, ни ночью, ни днемъ!--съ тою же привѣтливой улыбкой говорилъ онъ,—не могу ходить, и это все отъ старости. Вѣдь мнѣ за семьдесятъ лѣтъ. Но общество люблю непрежнему, и очень признателенъ хозяину за приглашеніе. Мнѣ скучно, такъ какъ я теперь лишенъ возможности не только работать, но даже читать. Я очень устаю отъ своей ужасной бессонницы, такъ что не могу даже написать письма.

За ужиномъ, случайно, мнѣ пришлось сѣсть рядомъ съ нимъ. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ, пилъ вино, не отказался отъ кофе съ ликеромъ, и, между прочимъ, замѣтилъ, что не придерживается никакой діеты. Нѣсколько разъ, при моей помощи онъ вставалъ, и, криво держа бокалъ въ трясущейся рукѣ, толково и связно привѣтствовалъ тостомъ хозяйку и хозяина.

Словомъ, онъ велъ себя какъ вполне здоровый, умственно-нормальный человекъ, только движенія его были слабы и замедленны, рѣчь тоже замедленная и тихая, взглядъ грустный и потухшій.

Въ этомъ человекѣ, когда-то отличавшемся стремительно-бурнымъ характеромъ, пылкой ораторской рѣчью, громкимъ, сильнымъ,—тоже чисто ораторскимъ,—голосомъ, рѣзкими движеніями, все какъ-то затихло, умалилось, сошло на нѣтъ...

Здоровый, не страдающій никакою болѣзью, онъ медленно, незамѣтно умиралъ отъ старческаго маразма... У него сохранились привычки человека, любившаго хорошо покушать, и онъ ѣлъ все, что подавалось, ѣлъ много, благодаря сохранившимся зубамъ прекрасно разжевывая пищу, онъ пилъ вино: бѣлое, красное, токайское, не отказался отъ кофе съ ликеромъ и, очевидно, несколько не охмелѣлъ, такъ какъ полупотухшій взглядъ его все время, до конца ужина, сохранилъ то же мертвенное выраженіе.

И временами казалось, будто ѣсть и пить не живой, настоящій человекъ, а какой-то мапекенъ съ медленными, не координированными движеніями ослабшихъ или испорченныхъ, заржавѣвшихъ пружинъ...

Чѣмъ-то отжитымъ, умирающимъ вѣяло отъ Александра Григорьевича, чѣмъ-то не изъ нашего уже живого міра, потустороннимъ, и подъ незамѣтнымъ сразу, но неуклоннымъ этпомъ вѣяшемъ, все какъ-то оказались сгруппировавшимися въ отдаленіи отъ него, по другую сторону стола.

А онъ, видимо, не замѣчая этого, обводилъ всехъ добрымъ, благожелательнымъ взглядомъ своихъ потускиѣвшихъ глазъ, дрожащими пальцами тянулся къ бокалу, и слабымъ голосомъ, раздѣляя слова, очень медленно, съ трудомъ произносилъ привѣтствія хозяйкамъ дома, также, повидному не понимая, о чемъ въ данную минуту шла рѣчь...

Съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ я изъ гостепріимнаго дома,—все помнилось лицо охваченнаго старческимъ маразмомъ человека.

Ночь была морозная, звѣздная, тихая. Застывшая Нева представляла громадный, далеко, далеко тянувшійся катокъ, на зеркальной поверхности котораго отражалась длинная гирлянда уличныхъ фонарей.

Легко и ѣмко дышала грудь, и я не чувствовалъ даже привычной боли въ сердцѣ. Кровь равномерно переливалась въ сосудахъ, мнѣ было тепло, хорошо, и въ мозгу, одна за другой, чередовались пріятныя, хорошія мысли... Какъ-будто мнѣ не было моихъ тяжелыхъ шестидесяти-трехъ лѣтъ, не было скучныхъ обязанностей, не было тоски и страха ожиданія скорой смерти, какъ-будто тридцать лѣтъ свалилось съ моихъ плечъ, какъ-будто я былъ молодъ, свободенъ, счастливъ, и кто-то пѣжный, любимый ждалъ меня на моемъ пути...

Веселый мотивъ когда-то любимой моей пѣсенки пришелъ мнѣ на память, и на пустынной, слабо освѣщенной, площади я пропѣлъ ее себѣ подъ носъ...

Въ эти минуты я не думалъ, какъ всегда, о близости смерти, я хотѣлъ жить, и жилъ всѣми фибрами своего организма, своего молодого и сильного, какимъ я его теперь чувствовалъ,—организма, и когда въ моемъ воображеніи на мигъ мелькнула только что видѣнная картина маразма,—я воскликнулъ про себя:

«Нѣтъ, нѣтъ, только не это! Пусть смерть придетъ подъ колесами трамвая, въ волпахъ рѣки, наконецъ дома, у себя, въ состояніи безпамятства отъ мозгового удара,—только бы сразу!..» .

К. Баранцевичъ.

Е. А. Каравяевъ.
Весна.